

Александр Долинин

БАЙРОНОВСКИЙ СЛЕД В КНИГЕ ПУШКИНА «ПУТЕШЕСТВИЕ В АРЗРУМ ВО ВРЕМЯ ПОХОДА 1829 ГОДА»

21 или 22 мая 1829 г. Пушкин посетил какой-то аул в окрестностях Владикавказа, где наблюдал осетинские похороны. Об этом он сделал запись в путевом дневнике:

«На дворе стояла арба, запряженная двумя волами, — родственники и друзья умершего съезжались со всех сторон — [подъехав к сакле, они слезали с седла]и с громким плачем шли в саклю, ударяя себя кулаками в лоб, что меня очень *(нрзб.)*. — Женщины молчали. — Мертвеца вынесли на бурке и положили его в арбу. Один из гостей взял ружье покойника, сдул порох с полки и положил его подле тела — волы тронулись, и гости поехали следом. — Тело должно было быть похоронено в горах, в 30 верстах от аула. — К сожалению, никто не мог объяснить мне сих обрядов»¹.

Обрабатывая эту запись для очерка «Военная грузинская дорога», напечатанного 5 февраля 1830 г. в «Литературной газете», Пушкин внес в нее некоторую стилистическую правку и добавил к описанию английскую цитату. В результате пассаж приобрел следующий вид:

На дворе стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершего съезжались со всех сторон и с громким плачем шли в саклю, ударяя себя кулаками в лоб. Женщины стояли смирно. Мертвеца вынесли на бурке.

---

¹ Пушкин А. С. Дневники. Записки / Изд. подгот. Я. Л. Левкович. СПб., 1995. С. 22.

*...like a warrior taking his rest
With his martial cloak around him;*²

*положили его на арбу. Один из гостей взял ружье покойника, сдул порох с полки и положил его подле тела. Волы тронулись. Гости поехали следом. Тело должно было быть похоронено в горах, верстах в тридцати от аула. К сожалению, никто не мог объяснить мне сих обрядов*³.

Точно так же, с английской цитатой, он читается и в первой главе «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года» (VIII, 540).

Как обычно указывается в комментариях к «Путешествию в Арзрум», Пушкин процитировал стихотворение английского поэта Чарльза Вулфа (Charles Wolfe, 1791—1823) «Погребение сэра Джона Мура» («The Burial of Sir John Moore»), в 1825 г. переведенное на русский язык И. Козловым под названием «На погребение английского генерала сира Джона Мура»⁴. С фактической стороны эта справка абсолютно верна, но она не отвечает на самые важные вопросы, которые до сих пор не были даже поставлены комментаторами: каким образом стихотворение малоизвестного автора привлекло внимание Пушкина и что он мог о нем знать. Между тем весьма необычная история публикаций «Погребения сэра Джона Мура»⁵ заставляет усомниться в том, что в России пушкинского времени кто-либо слышал имя Чарльза Вулфа.

² «...подобно спящему воину, завернувшемуся в боевой плащ» (англ.).

³ Цит. по: Литературная газета А. С. Пушкина и А. А. Дельвига. 1830 год. № 1—13. М., 1988. С. 108—109.

⁴ Козлов И. И. Полное собрание стихотворений. Л., 1960. С. 99—100. Разбор перевода см.: Левин Ю. Д. О русском поэтическом переводе в эпоху романтизма // Ранние романтические веяния. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1972. С. 248—251. Пушкин цитирует третью строфу стихотворения: «No useless coffin confined [вариант: enclos'd] his breast, / Not in sheet or in shroud we wound him; / But he lay like a warrior taking his rest, / With his martial cloak around him». В переводе И. Козлова: «На нем не усопших покров гробовой, / Лежит не в дощатой неволе — / Обернут в широкий свой плащ боевой, / Уснул он, как ратники в поле». Начав цитату со второй стопы, Пушкин получил два стиха в трехстопном анапесте, которым вторит следующая за ними метризованная фраза в том же размере: «Положили его на арбу».

⁵ Основные сведения об этой истории содержатся в библиографическом очерке: Small Harold Adams. The Field of His Fame: A Ramble of the Curious History of Charles Wolfe's Poem "The Burial of Sir John Moore". University of California Publications (English Studies 5). Berkeley; Los Angeles, 1953.

Впервые опубликованное анонимно в нескольких британских газетах, стихотворение было перепечатано, опять-таки без имени автора, в июньском номере эдинбургского журнала «Blackwood's Edinburgh Magazine» за 1817 г. Оттуда в 1821 г. оно попало в антологию шотландских поэтов, составители которой сообщили в примечании: «Мы не смогли получить какую-либо информацию относительно того, кто написал эту поэтическую элегию, и не располагаем никакими уликами, которые позволили бы нам строить догадки на сей счет»⁶. Год спустя в другой поэтической антологии, вышедшей в Шотландии, «Погребение сэра Джона Мура» было приписано некоему Хейли (Haily)⁷ — неизвестному стихотворцу, не значащемуся ни в одной библиографии английской поэзии.

Громкую славу стихотворение получило благодаря знаменитой книге Томаса Медвина «Разговоры Лорда Байрона» (1824), в которой имеется следующий эпизод. Как-то раз после обеда Байрон, Шелли и другие гости завели спор о том, какую современную оду можно считать самой совершенной. Шелли назвал стихи Кольриджа о Швейцарии, кто-то — «Ирландские мелодии» Томаса Мура, кто-то — «Гогенлинден» Томаса Кэмпбелла, с чем не согласился Байрон. «У Кэмпбелла, как и у Грея, — сказал он, — слишком силен запах масла: он никогда не удовлетворяется сделанным, и самые лучшие его пьесы портит чрезмерная отделка — из-за этого резкость рисунка размывается. Подобно картинам, стихи бывают слишком сильно отлакированы. Великое искусство есть эффект, какими бы средствами он ни был достигнут. Я хочу показать вам одну оду, которую вы не знаете. По-моему, она мало чем уступает наилучшим произведениям нашего плодovitого века». Взяв какой-то журнал, Байрон прочитал собравшимся «Погребение сэра Джона Мура», текст которого Медвин полностью приводит в своей книге. «Я никогда не забуду, с каким чувством он декламировал эти восхитительные строфы, — продолжает мемуарист. — Дочитав стихотворение до

⁶ Beauties of the Scottish Poets, or Harp of Renfrewshire: A Collection of Songs and Other Poetical Pieces Many of which are Original. Accompanied with notes explanatory, critical, and biographical and a short essay on the poets of Renfrewshire. Glasgow, 1821. P. 3.

⁷ The Poetical Common-Place Book / Consisting of an Original Selection of Standard and Fugitive Poetry; including a few translations, and some pieces hitherto unpublished. Edinburgh, 1822. P. 3—4.

конца, он повторил третью строфу, назвав ее самым совершенством, особенно стихи

But he lay like a warrior taking his rest,
With his martial cloak around him.

(...) Впоследствии я пришел к выводу, что оду написал сам Лорд Байрон. Он был явно расдосадован тем, что никто из спорщиков не упомянул его стихов; но расхвалив ее так сильно, уже не мог признать своей. Я не вижу других причин, по которым он стал бы отказываться от авторства, тем более что всегда был большим почитателем генерала Мура⁸. В первых двух изданиях книги Медвина (оба 1824 г.) его предположение об авторстве Байрона сопровождалось следующим примечанием: «Недавно мою догадку подтвердила одна дама, чей брат много лет назад получил от Байрона эти стихи, собственноручно им переписанные»⁹.

Атрибуция «Погребения сэра Джона Мура» Байрону наделала в Англии много шума. Сразу после выхода книги Медвина в октябре 1824 г. почти все крупные газеты перепечатали из нее текст стихотворения и рассказ о том, как его декламировал Байрон¹⁰. В ответ на эти публикации два жителя Ирландии обратились с письмами в редакции лондонских газет «Morning Chronicle» и «The Courier», в которых они сообщали, что «Погребение сэра Джона Мура» было написано вовсе не Байроном, а недавно скончавшимся ирландским священником Чарльзом Вулфом, поэтом-дилетантом, при жизни никогда не печатавшим своих стихов. Уже 31 октября 1824 г., через два дня после публикации писем, рецензент «Разговоров Лорда Байрона» в газете «The Examiner», процитировав эпизод с «Погребением сэра Джона Мура», констатировал: «Теперь мы знаем, что эти стихи являются произведением некоего мистера Вулфа, ныне покойного, а тогда студента колледжа Тринити в Дублине. Они сделали бы честь любому». В новом издании «Разговоров Лорда Байрона» Медвину пришлось отказаться от своей атрибуции, заменив процитированное выше примечание на другое: «Мое предположение, кажется, непра-

⁸ *Medwin Thomas. Journal of the Conversations of Lord Byron: Noted During a Residence with His Lordship at Pisa, in the Years 1821 and 1822. Second ed. London, 1824. P. 164—168.*

⁹ *Ibid. P. 168.*

¹⁰ См., напр.: *The Times. 1824. № 12481. October 26. P. 3.*

вильно. По всей вероятности, оду написал покойный священник Вулф»¹¹. Вышедший в 1825 г. сборник проповедей и стихотворений Чарльза Вулфа, где «Погребение сэра Джона Мура» впервые было напечатано по белой рукописи, с подробными пояснениями и примечаниями редактора¹², окончательно развеял все сомнения и ввел истинного автора стихотворения в историю английской литературы.

На континенте, однако, автором «Погребения сэра Джона Мура» еще долгое время считали Байрона прежде всего из-за того, что французский перевод книги Медвина был выполнен по первому изданию, без учета позднейших поправок¹³. На это же издание ссылалась Луиза Свенсон-Беллок в первой французской биографии Байрона, полностью согласившаяся с Медвином. «Мне кажется, — писала она, — что только лорд Байрон был способен выразить столь скупыми словами чувство мощное, глубокое и преисполненное драматизма. Эти стихи должны занять место среди самых прекрасных его сочинений»¹⁴. Ложную атрибуцию закрепило включение «Погребения сэра Джона Мура» в состав однотомного собрания сочинений Байрона, выпущенного в 1826 г. во Франкфурте и разошедшегося по всей Европе¹⁵. Поскольку, как известно, Пушкин (не позднее 1827 г.) читал записки Медвина во французском переводе¹⁶, а в его библиотеке имелся именно франкфуртский однотомник Байрона, подаренный ему Адамом Мицкевичем¹⁷, у нас есть все основания полагать, что он (как,

---

¹¹ См.: *Medwin Thomas. Journal of the Conversations of Lord Byron...: A New Edition.* London, 1824. P. 136.

¹² Rev.: *John A. Russel. Remains of the Late Rev. Charles Wolfe, A. B., Curate of Donoughmore, Diocese of Armagh, with a Brief Memoir of his Life.* Dublin; London, 1825. P. 29—40.

¹³ См.: *Conversations de Lord Byron, recueillis pendant un séjour avec Sa Seigneurie à Pise, dans les années 1821 et 1822, Par Thomas Medwin, Esq. du 24e régiment de dragons. Traduites de l'anglais, sur les notes de l'auteur, par D..... d. P..., officier de cavalerie. Tome premier.* Paris, 1825. P. 189—192. Текст «Погребения сэра Джона Мура», а также повторенные Байроном стихи приводятся сначала в оригинале, а затем в прозаическом французском переводе.

¹⁴ *Mme Louise Sw.-Belloc.* Lord Byron. T. 2. Paris, 1824. P. 290.

¹⁵ *The Works of Lord Byron Complete in One Volume.* Francfort O. M., 1826. P. 650.

¹⁶ См.: *Долинин А.* Пушкин и Англия: Цикл статей. М., 2007. С. 32, прим. 52.

¹⁷ *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание) // *Пушкин и его современники: Материалы и исследования.* Вып. IX/X. СПб., 1910. С. 182. № 697.

наверное, и И. Козлов) принимал «The Burial of Sir John Moore» за байроновский шедевр и как таковой цитировал его в «Военной грузинской дороге» и «Путешествии в Арзрум»¹⁸.

От перемены имени автора смысловый вес цитаты многократно увеличивается. Стихи на смерть английского генерала Мура, погибшего в сражении близ испанского города Ла-Ко-

¹⁸ Цитата из «Погребения сэра Джона Мура» — это не единственный байроновский след в «Путешествии в Арзрум». Когда Пушкин во второй главе сравнивает русского драгуна, утонувшего в кахетинском вине, с «несчастливым Кларенсом», утопленным «в бочке малаги» (VIII, 458), эта комическая аллюзия на известное предание об убийстве младшего брата английского короля Эдварда IV (см. у Шекспира в «Ричарде III»: I, 4; V, 3) восходит, по-видимому, к строфе 166 первой песни «Дон Жуана», где легенда также обыгрывается в комическом ключе. Герой прячется от ревнивого мужа своей возлюбленной в ее постели, свернувшись калачиком у нее между ног, и едва не погибает от удушья. «Умереть таким образом, — иронически замечает Байрон, — было бы несомненно приятнее, чем нырять с пьяным Кларенсом в его бочку с мальвазией» — «'Twere better sure to die so than be shut / With maudlin Clarence in his malmsey butt» (*Lord Byron. Don Juan / Ed. by T. G. Steffan, E. Steffan and W. W. Pratt. London, 1986 (Penguin Classics). P. 87*). Замена у Пушкина традиционной для предания мальвазии (португальское вино) на испанскую малагу может быть понята как сигнал, отсылающий к «Дон Жуану». С Байроном, вероятно, связана и одна из двух латинских цитат в «Путешествии в Арзрум» — знаменитое начало оды Горация (II, 14): «Neu! fugaces, Postume, Postume, / Labuntur anni...» (VIII, 466). По предположению В. Л. Комаровича, Пушкин подхватил ее в путевых записках Шатобриана «Itinéraire de Paris à Jérusalem et de Jérusalem à Paris», хотя там, как замечает сам исследователь, она приводится с ошибкой и в несходном контексте, скрепляя «одну из ... безответственных диатриб по адресу порабощенной Греции» (см.: *Комарович В. Л. К вопросу о жанре «Путешествия в Арзрум» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Вып.] 3. М.; Л., 1937. С. 337*). У Пушкина же цитата завершает рассказ о встрече со старыми друзьями, среди которых особо выделены «наш В.», т. е. лицеист Вольховский, и «Михаил П.», т. е. Пущин, брат декабриста Ивана, пушкинского «первого друга» по Лицею. Подтекстом эпизода, как кажется, является запись Байрона, сделанная в старом учебнике, под составленным им за пять лет до этого списком школьных друзей: «Eheu fugaces, Postume! Postume! / Labuntur anni. ... Из четырех человек, чьи имена здесь упомянуты, одного нет в живых, другой в далеких краях, все разделены...» (*Letters and Journals of Lord Byron with Notices of his Life, by Thomas Moore. Paris, 1830. P. 22*). Пушкин внимательно читал французский перевод книги в 1830 г. Соотнесенная с этой записью цитата приобретает дополнительный смысл, становясь как бы окказиональным синонимом излюбленной пушкинской формулы «иные далеко, иных уж нет» (см. о ней в комментариях О. Проскурина к «Бахчисарайскому фонтану» и В. В. Набокова к «Евгению Онегину»: *Пушкин. Сочинения / Комментированное издание под ред. Дэвида М. Бетеа. Вып. I: Поэмы и повести. Ч. I. М., 2007. С. 307—309; Pushkin Aleksandr. Eugene Onegin: A Novel in Verse / Translated by Vladimir Nabokov. Vol. II: Commentary and Index. Princeton, 1990. P. 245—250*). За упомянутым в тексте «нашим В.» тогда угадываются и неназванные лицейские друзья — умершие или томящиеся «в мрачных пропастях земли».

рунья во время войны с Наполеоном на Пиренейском полуострове (январь 1809 г.) и там же похороненного, если считать их сочинением Байрона, кажутся почти пророческими, ибо легко соотносятся с концом жизни самого поэта, который отправился в Грецию, чтобы участвовать в военных действиях повстанцев против Османского владычества, и умер в греческом городе Миссолонги. Пушкин должен был заметить переклички между погребальной одой о погибшем на чужбине воине-герое, которую Байрон с чувством читал друзьям за два года до своей смерти, с его последним стихотворением «В день, когда мне исполнилось тридцать шесть лет» («On This Day I Complete My Thirty-Sixth Year»), где поэт сначала жалуется на увядание, упадок творческих и любовных сил, одиночество, а затем призывает свой дух восстать, как восстала свободолобивая Греция, за которую он теперь готов умереть с оружием в руках:

If thou regret'st thy youth, *why live?*
The land of honourable death
Is here: — up to the field, and give
Away thy breath!

Seek out — less often sought than found —
A soldier's grave, for thee the best;
Then look around, and choose thy ground,
And take thy rest.¹⁹

Мотивы героической смерти на поле брани и солдатской могилы в этих строфах напоминают о «Погребении сэра Джона Мура», а заключительная строка («*And take thy rest*») прямо отсылает к образу уснувшего воина в тех стихах из него, которые сам Байрон назвал совершенными и которые процитировал Пушкин («...a warrior *taking his rest*»).

Обсуждая решение Байрона отправиться в Грецию, его первые биографы много писали о том, что он чувствовал потребность переменить свою жизнь и «заняться чем-то иным

---

¹⁹ *Lord Byron. Selected Poems / Ed. with a Preface by Susan J. Wolfson and Peter J. Manning. London, 1996 (Penguin Classics). P. 781.* Букв. пер.: «Если ты сожалешь о своей юности, *зачем жить?* Окрест тебя страна благородной смерти — иди на поле брани и отдай свою жизнь. Для тебя нет лучшей участи, чем искать то, что чаще находят, чем ищут — солдатскую могилу. Оглянись вокруг себя, выбери место и усни».

вместо литературы»²⁰ или, другими словами, «сменить лиру на меч»²¹, что он «мечтал о славе более прекрасной и долговечной, чем слава его поэзии»²², которая, как считали некоторые, уже начала меркнуть²³, что его влекли опасности и экзотика²⁴, хотя он предчувствовал близкую смерть²⁵. Многие из этих мотивов были, как кажется, созвучны настроениям Пушкина в 1829 г., и, собираясь в опасное путешествие на Кавказ, он не мог не сознавать, что в известном смысле идет по стопам Байрона. «Байрон поехал в Грецию и там умер; не ездите в Персию, довольно вам и одного сходства с Байроном», — сказала ему дочь московского почтмейстера А. Я. Булгакова и, как заметил последний, рассказывая об этом в письме к брату, «Пушкина поразило это рассуждение»²⁶. В то время изначальное сходство двух путешествий и впрямь могло показаться ему роковым предзнаменованием: ведь оба поэта впервые в жизни отправлялись на войну с одним и тем же врагом — Османской империей, причем для обоих это было возвращение в те экзотические края, в которых они побывали в молодости и которым они были обязаны своей ранней поэтической славой²⁷. Однако осмысленное и описанное ретро-

---

20 A Narrative of Lord Byron's Last Journey to Greece / Extracted from the Journal of Count Peter Gamba, who attended his Lordship on that expedition. London, 1825. P. 3.

21 Letters and Journals of Lord Byron. P. 457.

22 *Mme Louise Sw.-Belloc*. Lord Byron. T. 2. P. 306.

23 *Galt John*. The Life of Lord Byron. London, 1830. P. 274.

24 A Narrative of Lord Byron's Last Journey to Greece. P. 4; *Clinton George*. Memoirs of the Life and Writings of Lord Byron. London, 1825. P. 679.

25 A Narrative of Lord Byron's Last Journey to Greece. P. 128; Letters and Journals of Lord Byron. P. 455.

26 Письма А. Я. Булгакова к его брату, из Москвы в Петербург. 1829 год // Русский архив. 1901. № 11. С. 298 (письмо от 21 марта 1829 г.).

27 Характерно, что Пушкин захватил с собою в дорогу «чистый автограф» «Кавказского пленника» (см. об этом: *Юзефович М. В.* Памяти Пушкина // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников / Сост. и прим. В. Э. Вацу-ро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. М., 1974. Т. 2. С. 106), — очевидно, для того, чтобы сравнить некогда воображенный, байронический Кавказ с реальным, но в «Путешествии» предпочел об этом не упоминать. Здесь он находит «измаранный список» поэмы случайно, на последней остановке перед въездом в «Кавказские врата», и «с большим удовольствием» перечитывает: «Все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено верно» (VIII, 451). Еще до этого в текст введена реминисценция «Кавказского пленника» в форме альтернативного варианта фабулы: пастух, увиденный Пушкиным на горе, представляется ему русским, «некогда взят[ым] в плен и состаривш[имся] в неволе» (VIII, 448; ср. в «Кавказком

спективно, путешествие Пушкина — смертельно опасное, почти на каждом шагу грозившее гибелью, но закончившееся благополучно (ср. в третьей главе: «Бог вынес») — расходится с греческим финалом жизни Байрона во всем, кроме одного — и в том, и в другом случае высокие ожидания, романтические мечты о «подвигах ратных» входят в противоречие с «низкой», непредсказуемой реальностью и остаются неосуществленными. Байрон с растущим нетерпением рвется в бой, мечтая о славе и могиле нового генерала Мура²⁸, но поход все время откладывается, он разочаровывается в своих греческих соратниках, не успевает ничего совершить, тяжело заболевает и умирает не на поле битвы, а в постели, изнуренный кровопусканиями. Пушкин, обуреваемый «демоном нетерпения», спешит в действующую армию, чтобы, по его словам, «узнать ужасы войны, послужить волонтером, может и воспеть все это»²⁹, но напряженное ожидание, как замечательно показал П. Бицилли, всякий раз «разрешается — ничем»³⁰. Проецируя псевдо-байроновское высокое сравнение, которое уподобляет

пленнике»: «Поля, где пленный стадо пас»). Начатое с иронических отсылок к «Кавказскому пленнику», путешествие заканчивается пародийными отголосками «Бахчисарайского фонтана»: в саду арзрумского гарема бьют «два тощие фонтана», одну из жен паши, закрытую покрывалом, воображение Пушкина рисует «сокровищницею сердец — розою гарема» (ср.: «“Но тот блаженной, о Зарема, / Кто, мир и негу возлюбя, / Как розу в тишине гарема, / Лелеет, милая, тебя.” // Они поют. Но где Зарема, / Звезда любви, краса гарема?»); среди других жен, кокетливо открывших лица, «не было ни одной красавицы» (VIII, 480—481).

²⁸ Ср.: «Il était alors dévoré d’une ardeur toute guerrière ... Une nouvelle carrière s’ouvrait à son génie, il était impatient d’y entrer» (*Mme Louise Sw.-Belloc*. Lord Byron. T. 2. P. 360); «...he became impatient, and feared lest he should arrive too late» (A Narrative of Lord Byron’s Last Journey to Greece. P. 8).

²⁹ Слова Пушкина передает А. Я. Булгаков в процитированном выше письме к брату от 21 марта 1829 г. (Письма А. Я. Булгакова к его брату, из Москвы в Петербург. 1829 год. С. 298). Запись представляется аутентичной, поскольку формула «ужасы войны» (восходящая к античным образцам) входила в поэтический лексикон Пушкина и его предшественников. Она встречается у Батюшкова («К Тассу», 1808) и у Дениса Давыдова («Элегия IV», 1816), а затем в пушкинском «К Овидию»: «Рожденные в снегах для ужасов войны, / Там холодной Скифии свирепые сыны, / За Истром утаясь, добычи ожидают...».

³⁰ Бицилли П. «Путешествие в Арзрум» // Белградский пушкинский сборник / Под ред. Е. В. Анненкова. Белград, 1937. С. 252, 257. Вслед за П. Бицилли тему нетерпения обсуждала также К. Поморска. См.: *Pomorska Krystina*. The Segmentation of Narrative Prose // *Pomorska Krystina*. Jakobsonian Poetics and Slavic Narrative: From Pushkin to Solzhenitsyn / Ed. by Henryk Baran. Durham; London, 1992. P. 25—26.

мертвое тело английского полководца спящему воину, завернувшись в поэтический плащ, на труп безымянного осетина, завернутый в прозаическую бурку, Пушкин иронически со- и противопоставляет романтические модели героического подвига и «презренную прозу» жизни и смерти³¹. В его собственном путешествии этот образ отзовется отнюдь не ожидаемой высокой нотой, а очередной иронической, снижающей инверсией: «...я **повалился на бурку**, не чувствуя сам себя от усталости (...) **Я заснул как убитый**» (VIII, 463).

---

³¹ На явную и скрытую ироничность всей ткани «Путешествия в Арзрум» указал еще Ю. Н. Тынянов (см. его статью «О “Путешествии в Арзрум”» (1936), перепечатанную в сборнике: *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. М., 1969. С. 192—208). Его соображения были впоследствии развиты в ряде работ западных исследователей. См. прежде всего: *Greenleaf Monika.* *Pushkin's Journey to Arzrum: The Poet at the Border* // *Slavic Review*. 1991. Vol. 50, No 4. P. 940—953 (плохой русский перевод: *Гринлиф М.* «Путешествие в Арзрум»: Поэт у границы // Современное американское пушкиноведение: Сб. статей. СПб., 1999. С. 275—297; более поздняя редакция: *Greenleaf Monika.* *Pushkin and Romantic Fashion: Fragment, Elegy, Orient, Irony.* Stanford (CA), 1994. P. 138—155); *Wachtel Andrew.* *Voyages of Escape, Voyages of Discovery* // *Cultural Mythologies of Modernism.* Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1992. P. 133—135; *Helfant Ian M.* *The Path from Pushkin's Caucasian Journal to Puteshestvie v Arzrum* // *Russian Review*. 1997. Vol. 56, No 3. P. 366—382; *Schönle Andreas.* *Authenticity and Fiction in the Russian Literary Journey, 1790—1840.* Cambridge (MA); London, 2000. P. 181—202.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

MEMENTO VIVERE

Сборник памяти
А. Н. Ивановой

Составители и научные редакторы
К. А. Кумпан и Е. Р. Обатнина

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2009